

КРИТИКА

I.

Г. В. Прохоровъ. Нравственное учение св. Амвросія, Епископа Медиоланскаго. С.-Петербургъ. 1912. (Библиографическая замятка).

Вышедшее подъ такимъ заглавіемъ изслѣдованіе г-на Прохорова, кромѣ небольшого предисловія (III—VIII), заключаетъ въ себѣ три части: 1) часть первую (вводную) съ краткимъ очеркомъ жизни св. Амвросія Медиоланскаго и его литературной дѣятельности; 2) часть вторую съ изложеніемъ нравственнаго ученія св. Амвросія и 3) часть третью, специально занимающуюся выясненіемъ отношеній *De officiis ministrorum* св. Амвросія къ *De officiis* Цицерона. Къ книгѣ приложены 1) перечень источниковъ и важнѣйшихъ пособій, 2) тезисы, извлеченные изъ сочиненія, и 3) алфавитный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Какъ можно было ожидать на основаніи заглавія книги и какъ это объясняетъ самъ авторъ въ предисловіи къ своему изслѣдованію, самую важную и центральную часть работы является вторая (стр. V), такъ что на остальные двѣ части можно смотрѣть какъ на части второстепенныя, служебныя въ отношеніи къ центральной.

Такъ, въ первой части своего труда авторъ, по собственному своему заявленію, далекъ «отъ намѣренія представить полную біографію св. отца» и, согласно своей основной задачѣ, ограничивается лишь краткими біографическими свѣдѣніями, подчеркивая тѣ факты изъ жизни св. Амвросія и тѣ черты его характера, которыя имѣютъ такое или иное отношеніе къ его правоученію; онъ предупреждаетъ читателя, что онъ довольствуется «иногда въ этой части тѣмъ, что даютъ» ему «вторыя руки, не находя при этомъ необходи-

нмъ обращаться къ первоисточникамъ» (стр. IV—V).—Мы и не считаемъ себя въ правѣ требовать въ этомъ случаѣ отъ него бѣльшаго. Но и при этомъ разсматриваемая нами часть не лишена значенія и сама по себѣ, особенно въ нашей русской литературѣ. Если задача автора ни въ какомъ случаѣ не могла обязывать его полно и самостоятельно изслѣдовать вопросы о жизни св. Амвросія, его твореніяхъ и объ общихъ его отношеніяхъ къ многочисленнымъ другимъ писателямъ классическимъ, іудейскимъ и христіанскимъ, восточнымъ и западнымъ, то за то въ этой области онъ является хорошимъ знаткомъ дѣла, предлагая читателю самый доброкачественный матеріалъ и вводя его въ кругъ самыхъ свѣжихъ научныхъ изслѣдованій по этимъ вопросамъ.

Много сложнѣе и труднѣе была задача автора во второй части его труда. Здѣсь онъ предполагаетъ изслѣдовать нравственныя возрѣнія св. Амвросія на основаніи всѣхъ вообще его весьма многочисленныхъ твореній, справедливо полагая, «что книга «объ обязанностяхъ священно-служителей» не только не является характерною для правоученія миланскаго епископа, а даже, наоборотъ, вслѣдствіе исключительной своей близости къ языческому произведенію Цицерона, стоящею нѣсколько особнякомъ отъ другихъ твореній св. отца,—что подлинныя нравственныя возрѣнія св. Амвросія нужно искать не столько въ *De officiis ministrorum*, сколько въ другихъ богословско-этическихъ писаніяхъ святителя» (стр. III). Авторъ намѣчаетъ своему изслѣдованію въ этомъ случаѣ довольно широкія границы: не ограничиваясь изложеніемъ собственно-нравственныхъ возрѣній св. Амвросія, онъ, гдѣ это считаетъ необходимымъ для своей главной цѣли, входитъ въ изысканія нѣкоторыхъ вопросовъ догматическихъ; не излагая всей догматической системы Амвросія, онъ останавливается на вопросахъ антропологическихъ, на ученіи о злѣ, о паденіи, о сущности первороднаго грѣха, объ оправданіи, благодати и нѣкот. друг. Наконецъ, свое изложеніе въ этой части г-нъ Прохоровъ иллюстрируетъ значительнымъ количествомъ параллелей изъ другихъ писателей, напр., Филона Алекс., Климента Ал., Оригена, св. Василія Вел., блаж. Августина.

Центральное значеніе разсматриваемой части даетъ намъ основаніе остановиться на ней подробнѣе.

Намъ представляется, что всякое патрологическое изслѣдованіе должно преслѣдовать двѣ цѣли: 1) выяснитъ взгляды изслѣдуемаго писателя по тому или иному вопросу или же всю его систему и 2) указать его значеніе въ исторіи церковной литературы. Онѣ настолько тѣсно связаны между собою, что достигаются одна при помощи другой. Для этого необходимо опредѣленіе всей совокупности литературныхъ вліяній, если они имѣли мѣсто, столь же, сколько и сопоставленіе съ идеями предшествовавшаго времени. Св. Амвросій, благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ своей жизни и внутреннимъ особенностямъ своего литературнаго творчества, требуетъ этого въ особенности. Онѣ принадлежитъ эпохѣ, когда богословскій западъ въ процессѣ борьбы съ аrianствомъ вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ церковной литературой востока; его собственныя произведенія отражаютъ въ себѣ довольно многочисленныя теченія богословской мысли на востокѣ. Но это вовсе не значитъ, чтобы западное богословіе совсѣмъ не имѣло своего прошлаго или чтобы теперь оно отрекалось отъ своего прежняго достоянія. Ни одно крупное историческое явленіе не вырастаетъ такимъ образомъ. Нѣтъ, и богословскій западъ время св. Амвросія продолжалъ довольно твердо стоять на почвѣ своихъ старыхъ мѣстныхъ традицій, видоизмѣняя лишь ихъ такъ, какъ того требовали новыя обстоятельства. Въ этомъ направленіи и можно искать исторической заслуги литературной дѣятельности св. Амвросія.

Собственно говоря, въ этой плоскости движется и изслѣдующая мысль г-на Прохорова. Однако съ его постановкою дѣла можно соглашаться не вполне. Охарактеризовавъ римлянъ, какъ практиковъ, людей настоящаго дня, не имѣвшихъ большого влеченія къ отвлеченнымъ изслѣдованіямъ, признавъ, что и «въ идейно культурной области они всегда стояли ниже грековъ, повторяя большею частью лишь то, что давали имъ греческое просвѣщеніе и наука», онъ замѣчаетъ: «тѣми же свойствами, т.-е. духомъ практицизма и зависимости отъ Востока отличается и западное богословіе» (стр. 75). Хотя несомнѣнно, что уже при самомъ возникновеніи научно-богословской литературы Запада дѣло не обошлось безъ толчка и руководственнаго вліянія Востока, однако было бы не совсѣмъ справедливо полагать, что все

здѣсь, помимо прагматизма, сводилось къ этой зависимости и вліянію; доамвросіанское богословіе запада имѣло свою довольно опредѣленную и отличную отъ востока фізіономію. Авторъ и самъ въ этомъ смыслѣ даетъ характеристику запада на 75—80 стр. своей работы. А между тѣмъ эта низкая оцѣнка западнаго богословія отразилась на всемъ ходѣ изслѣдованія. Г-нъ Прохоровъ говоритъ: «св. Амвросій, безъ сомнѣнія, знавшій Иларія, является при всей своей зависимости отъ Востока болѣе типичнымъ выразителемъ характера богословской мысли Запада, несмотря даже на то, что его знакомство съ отцами западнаго богословія—Тертуллианомъ или, по крайней мѣрѣ, со св. Кипріаномъ является проблематичнымъ» (стр. 84—85). Но какъ разъ этого онъ и не обосновываетъ и не показываетъ подробно, въ чемъ именно и насколько Амвросій былъ типичнымъ западнымъ писателемъ. А если-бы онъ, не ограничиваясь вышеприведеннымъ общимъ замѣчаніемъ, попытался пунктуально, шагъ за шагомъ, вскрывать чисто-западные элементы въ мышленіи Амвросія или же преломленіе у него западныхъ традицій подъ восточнымъ вліяніемъ, и самое изложеніе ученія Амвросія было бы рельефнѣе и отношеніе его къ своимъ западнымъ предшественникамъ, а вмѣстѣ съ этимъ и его историческое значеніе выиграли бы въ отчетливости.

Исходя изъ несомнѣннаго факта зависимости св. Амвросія отъ восточныхъ писателей, г-нъ Прохоровъ вполне резонно при изложеніи ученія Амвросія дѣлаетъ экскурсы въ область твореній этихъ послѣднихъ. Это, конечно, потребовало отъ него громаднѣйшаго труда и времени. Указывая на это, какъ на цѣнное украшеніе работы, можно однако позволить себѣ высказать одно пожеланіе касательно большей тщательности въ подборѣ параллелей. Стоя обычно на высотѣ своей задачи, изрѣдка авторъ приводитъ параллели или слишкомъ общія или же недостаточно характерныя и взглядовъ Амвросія не выясняющія. Такъ, ученіе Оригена объ искупленіи излагается столь обще, что только рѣдкому писателю его нельзя было бы приписать (стр. 166—167); если съ оригеновской *ria fraus* еще идетъ мимоходомъ рѣчь, на 173 стр., то представленіе Оригена объ Умилолюбивительной Жертвѣ, если не считать самого названія, почти обойдено молчаніемъ. Или зачѣмъ понадобились тѣ слишкомъ общія выра-

женія различныхъ писателей о таинствѣ крещенія, которыя приводятся на стр. 195, и въ частности выраженія св. Василія Вел., тогда какъ свойственный св. Василию, впрочемъ, какъ и многимъ другимъ писателямъ, взглядъ на крещеніе, какъ на изображеніе Смерти и Воскресенія Христа, обходится молчаніемъ, хотя господство этого взгляда въ твореніяхъ Амвросія вѣрно подмѣчается самимъ же авторомъ.

Можно, наконецъ, не соглашаться и съ нѣкоторыми, правда, весьма немногочисленными частными положеніями автора при изложеніи нравственныхъ воззрѣній св. Амвросія. Такъ, нѣсколько сильнымъ можетъ показаться утвержденіе, что «обязанности или добродѣтели человѣка въ отношеніи къ самому себѣ носятъ у св. Амвросія ярко окрашенный аскетическій характеръ пренебрежительнаго и даже презрительнаго отношенія къ плоти, міру и вообще чувственному и матеріальному». (стр. 269). Если въ подобныхъ выраженіяхъ у св. Амвросія, дѣйствительно, нѣтъ недостатка, то они въ значительной мѣрѣ уравниваются выраженіями противоположнаго характера, гдѣ миланскій епископъ признаетъ дозволительными для своего мудреца удовольствія въ здоровьѣ тѣла, въ дѣтяхъ, въ отсутствіи скорбей (*De Iacob et vita beata* I, 8, 33), гдѣ для совершеннаго блаженства (*beatitudo*) считаются необходимыми блага души, тѣла и блага внѣшнія (*De Abrah.* II, 10, 68).

Въ третьей части своего труда авторъ путемъ критики противоположныхъ взглядовъ на отношеніе *De offic. ministr.* св. Амвросія къ *De officiis* Цицерона и путемъ весьма тщательнаго и детальнаго анализа и сопоставленія этихъ трактатовъ устанавливаетъ собственный взглядъ на отношенія св. Амвросія къ Цицерону. При этомъ онъ не ограничивается внѣшнимъ, механическимъ сопоставленіемъ одноименныхъ трактатовъ, но всюду руководится общимъ духомъ философіи того и другого; если относительно этики св. Амвросія онъ могъ основываться въ этомъ случаѣ на второй части своего изслѣдованія, то нравственное ученіе Цицерона онъ истолковываетъ на общемъ фонѣ ученія стои, изученнаго имъ на основаніи спеціальной литературы и первоисточниковъ.

Переходя къ общей оцѣнкѣ изслѣдованія, мы, несмотря на нѣкоторыя вышеизложенныя пожеланія, не можемъ не признать его въ научномъ отношеніи работою очень цѣнною.

Отличаясь большою широтою кругозора, оно имѣетъ цѣлью изложить и объяснить всю область нравственныхъ воззрѣній св. Амвросія, чѣмъ до сихъ поръ занимались мало. Съ внушительной эрудиціей и освѣдомленностью г-нъ Прохоровъ соединяетъ обычно ясную мысль. Не только въ области нравственныхъ воззрѣній св. Амвросія, но и по поводу нѣкоторыхъ затрагиваемыхъ въ работѣ догматическихъ вопросовъ авторъ судить не какъ диллетантъ, но какъ вполне компетентный изслѣдователь, разбирающійся въ деталяхъ и обычно отбѣняющій важную и существенную сторону вопроса. Кромѣ всего этого, г-нъ Прохоровъ обнаруживаетъ рѣдкій и счастливый талантъ съ научностью, специальностью и серьезностью изслѣдованія совмѣщать легкость, простоту и красоту изложенія, благодаря чему его работа можетъ быть легко и съ удовольствіемъ прочитана не только лицами, специально занимающимися предметомъ его изслѣдованія, но и всѣми, интересующимися ученіемъ и личностью св. Амвросія.

Само собою понятно, что въ ряду другихъ изслѣдованій объ Амвросіи его хорошая книга не можетъ быть лишней.

И. Адамовъ.
